

На правах рукописи

Дементьева Светлана Валерьевна

**Роль и значение реминисценций в
постижении ценностно-смыслового
содержания социальной памяти**

09.00.11 – социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск-2000

Работа выполнена на кафедре культурологии и
Социальной коммуникации гуманитарного факультета
Томского политехнического университета

Научный руководитель:	доктор философских наук профессор А.П. Моисеева
Официальные оппоненты:	доктор философских наук профессор Л.А. Коробейникова кандидат философских наук доцент Т.И. Сулова
Ведущая организация:	Томский государственный педагогический университет

Защита диссертации состоится 23 июня 2000 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д.063.53.06 по присуждению ученой степени доктора философских наук по специальности социальная философия в Томском Государственном университете по адресу:

634050, г.Томск, пр. Ленина, 36, учебный корпус №3, ауд. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского Государственного университета.

Автореферат разослан 18 мая 2000 года.

Ученый секретарь диссертационного
совета Д. 063. 53. 06
кандидат философских наук,
доцент

О.Г. Мазаева

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования

Память всегда имела непреходящее значение в жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Память в ее социальном контексте была универсальным способом объединения людей в период социальных потрясений. Именно социальная память составляла основу бытия общества, определяла доминанты его культурно-исторического развития. Положение коренным образом изменилось к середине XX века, когда под влиянием общественных потрясений глобального масштаба, породивших самые причудливые интерпретации прошлого опыта, того, что ранее являлось общей памятью, социальная память утратила свою имманентную целостность.

Проблема, возникшая в глубинах реального социокультурного опыта, стала предметом философского дискурса именно в силу своей особой значимости для самоидентификации общества в его актуальном бытии.

Появилась серьезная гносеологическая проблема - каким образом социальная память способна транслировать необходимую человечеству жизненно важную информацию, сохранять ценностно-смысловое содержание памяти предшествующих поколений, преобразовывать его в феномены, значимые для настоящего и, наконец, способна ли социальная память коррелировать будущее.

Соответственно изменился и гносеологический статус понятия «социальная память». По своему содержанию и месту в философском знании социальная память рассматривается как философско-социологическая категория. Как историческая глубина культуры социальная память имеет достаточное количество аспектов, которые могут выступить основой ее философско-культурологического анализа. Один из них - анализ способов сохранения и трансляции, доминантных для общества смыслов и ценностей, фиксируемых в символах, метафорах, реминисценциях.

Процессы изучения памяти и реминисценций в их социокультурном контексте стали предметом анализа еще в классической античной философии. Память рассматривалась как способность человека и человечества осмысливать, запоминать и передавать знания и навыки в процессе смены поколений при помощи символов, метафор, аллегорий, реминисценций. В классической философской традиции присутствовало устойчивое мнение о социальной памяти как о своеобразном вместилище предшествующего знания, которое с необходимостью должно быть освоено и усвоено индивидом. Анонимность, имперсональность, составляли основу бытия социальной памяти. Реминисценция в классической традиции предельно точно соответствовала своему первоначальному назначению (вспомнить, припомнить, воспроизвести в ином) и зачастую функционировала в имманентно присущем ей символично-метафорическом варианте. Ситуация коренным образом изменилась когда осуществился разрыв традиционной культуры и культуры модерна, который был отрефлексирован неклассической философией. Стало очевидным, что субъекты, занимающие единое социокультурное пространство, имеют разные хронотопы, реализующие себя в поливариантном содержании социальной памяти. Единый для традиционного общества ценностно-смысловой мир культуры, зафиксированный в социальной памяти, предстал в качестве релятивно-когерентного. Соответственно изменились и способы постижения ценностно-смыслового содержания социальной памяти. Неклассическая парадигма исследования социальной памяти выявила проблему не столько сущности социальной памяти и способов трансляции ее содержания, сколько ценностно-смыслового наполнения этого процесса.

Переход к ценностно-смысловым аспектам бытия социальной памяти потребовал иных теоретических оснований для решения создавшейся гносеологической ситуации. Если в рамках неклассической традиции при выявлении содержания ценностно-смыслового мира социальной памяти символ был способен означить круг аксиологических проблем, метафора - выявить, сопоставить еще не до конца отрефлексированное в содержании социальной памяти с уже отрефлексированным, то реминисценция выступила в совершенно иной роли. Посредством специфицирующих характеристик, таких как субъективность, спонтанность, субсидарность, реминисценция выявила сущность содержания социальной памяти как особого феномена культуры. Тем самым в процессе постижения функциональной значимости реминисценции был осуществлен переход от неклассической традиции «знание - реальность» к неонеклассической «реальное знание и его человеческий потенциал»¹.

В неонеклассической парадигме, интенсивный процесс становления которой осуществляется в настоящее время, одним из основных способов постижения мира выступает антропный принцип, при котором знание уступает место ценностным отношениям. Именно поэтому постижение ценностно-смыслового мира социальной памяти при помощи реминисценций позволяет поставить и предложить варианты решения проблемы множественности бытия ценностно-смысловых структур социальной памяти при условии их взаимной толерантности. В этом случае на реминисценцию ложится особая теоретическая нагрузка - способствовать реализации процесса сосуществования множественности культур, зафиксированных в формирующейся толерантности социальной памяти мирового сообщества.

Проблемная ситуация, актуализирующая исследование роли и значения реминисценций в трансляции ценностно-смыслового содержания социальной памяти, определяется в первую очередь существующим эпистемологическим разрывом, наметившимся в философии культуры конца XX века, когда философия постепенно все более утрачивает статус только лишь научного знания. Традиционная гносеология, ориентированная на научность, точность знания, столкнулась с проблемой антропологического и аксиологического смысла познания в его социокультурной обусловленности. Стало очевидным, что сам по себе целостный субъект предстает правомерным и необходимым основанием для истины, поскольку он есть представленность социокультурного опыта. В рамках классической философии постижение истины осуществлялось как процесс передачи нового знания посредством категории преемственности. Сама преемственность в этом случае раскрывается как внутреннее состояние процесса развития в целом. Понятие «социальная память» в условиях постмодерного философского дискурса, не отрицая методологических возможностей категории преемственности, способно выявить иной, а именно модальный аспект бытия прошлого в настоящем и будущем. И тем самым раскрыть эвристические потенции некоторых новых форм трансляции ценностно-смыслового поля социальной памяти, к которым, по утверждению автора, относятся реминисценции.

Потребность в философской рефлексии социальной памяти позволяет отчетливо представить не только способы ее бытия, но и динамику функционирования социальной памяти как целостности, что, в свою очередь, позволит выявить механизмы ее аксиологического бытия.

Степень разработанности проблемы

Междисциплинарный подход, являющийся основным в исследовании заявленной темы, отсутствие специальных работ, непосредственно посвященных исследованию значимости реминисценций в ценностно-смысловом понимании социальной памяти,

¹ См.; Ильин ВВ. Классика - неклассика - неонеклассика: три эпохи в развитии науки // Вестник МГУ Сер. 7. Философия. 1995. №2. С. 51.

определили круг источников, к которым в процессе исследования обратился автор. Исходя из целевых задач диссертации, можно выделить несколько наиболее значимых групп исследований.

Первую группу составляют работы, в которых осуществляется философский анализ культуры как целостности (С.С. Аверинцев, В.В. Библиер, В.В. Бычков, П.С. Гуревич, В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов, Д.С. Лихачев, Ч. Сноу и др.). Творческая деятельность в рамках культуры наиболее полно раскрывается в диалоге культур, концептуальная разработка которой осуществлена в трудах Л.М. Баткина, М.М. Бахтина, М. Бубера, В.С. Рабиновича.

Необходимость выявления специфических характеристик культуры как деятельности по созданию и воссозданию смыслов, символов и ценностей побудила автора обратиться к исследованиям Г.С. Баранова, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Э. Кассирера, А.А. Пелипенко, Э. Сепира, И.Г. Яковенко и др., в которых раскрывается аксиологическая значимость ценностно-символической картины мира в философско-культурологическом дискурсе.

С целью наиболее полного анализа представлений о специфических отличиях категорий «символ» и «метафора» от понятия реминисценции как в онтогносеологическом, так и в функциональном планах, автор обратился к многочисленным работам, в которых анализируются символ и метафора (С.С. Аверинцев, Г.С. Баранов, К.К. Жоль, К.А. Свасьян, С.Г. Сычева, А.А. Тахо-Годи, В.Н. Телия, П.А. Флоренский, К.-Г. Юнги др.).

Следует отметить, что специальных, за редким исключением (Кузнецов О.В. *Философия реминисценции* // Реминисцентный анализ: экономика, политика, право Екатеринбург, 1996. С 4 - 11) работ, посвященных философскому анализу реминисценций, не существует. Реминисценции являются предметом изучения преимущественно в филологии. В коллективной монографии «Евангельский текст в русской литературе XVIII - XIX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (Петрозаводск 1994) анализируются в первую очередь евангельские реминисценции в русской классической литературе. Некоторым особняком стоят работы М.С. Альтмана «Пушкинские реминисценции у Блока» и М.Д. Буланина «Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека». Отсутствие работ непосредственно посвященных проблеме реминисценций в культуре, с избытком восполняется произведениями, в той или иной степени использующими понятие «реминисценция» в исследовании конкретных феноменов культуры. Наиболее часто это встречается в работах филологов, причем как собственно литераторов, так и в не меньшей степени литературных критиков. Среди них особо следует отметить исследования Г. Амелина, О.Б. Лебедевой, В.М. Жирмунского, И. Лильщикова, О. Раевской-Хьюз, А.В. Чернова, А. Хамма.

Исходя из гипотезы о продуктивности реминисценций в восстановлении ценностно-смыслового поля социальной памяти, в диссертации рассматриваются некоторые концепции памяти, обращение к которым вызвано необходимостью демонстрации роли и значения реминисценций в исторической и социальной преемственности (Р. Аткинсон, Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, Ф. Йейтс, О. Кривцун, С. Московичи, В.А. Шкуратов и др.). Базисными исследованиями проблем памяти в социокультурном плане выступают работы Н.А. Бернштейна, Э.А. Голубевой, Р.М. Грановской, Б.В. Зейгарник, Н.В. Канторовича, А.Н. Лебедева, А.А. Смирнова, А.Н. Соколова, Р.С. Солсо, В.Д. Шадрикова и др., в которых рассматриваются вопросы психофизиологического строения и функционирования памяти человека. Анализ социальной памяти, ее специфики и процессов функционирования вызвал необходимость обращения к работам Ю.Н. Давыдова, В.А. Колеватова, А.И. Ракитова, М.А. Розова, Л.П. Швеца, Я.К. Ребане, М.П. Назаровой, в которых социальная память рассматривается с позиций теории информации. Обращение к этим исследованиям помогло уяснить сущность и специфику философского подхода в анализе социальной памяти.

При анализе роли и значения социальной памяти в процессах передачи ценностно-смыслового поля культуры были использованы работы, в которых рассматриваются проблемы преемственности как связи, осуществляющей процесс непрерывного социального развития. Исследование проблемы преемственности, предпринятое в работах М.П. Завьяловой, Б.И. Пружинина и др., позволило автору выявить различия социальной памяти и преемственности в исследовании проблемы трансляции содержания социальных процессов, протекающих в обществе.

Методологические основания диссертационного исследования

В диссертационной работе автор опирался на труды отечественных и зарубежных авторов в области теории и истории философии и культуры.

Исходя из концепции опосредованной социокультурной детерминированности знания, согласно которой социальные факторы являются не только условиями и предпосылками познавательного процесса, не просто определяют характер предмета познания, используемые методы и средства познавательной деятельности, но и оказывают влияние на саму логику исследования, автор в качестве методологических средств использовал междисциплинарный подход, позволивший рассмотреть проблему социальной памяти в психофизиологическом и социокультурном аспектах. Анализ бытия социальной памяти как целостности вызвал необходимость обращения к онтогносеологическому методу (В.А. Дмитриенко, М.Г. Петров, В.Н. Сагатовский и др.) который, с одной стороны, позволил рассмотреть социальную память и реминисценции, как социокультурные явления, а с другой - выявить специфику функционально-ролевого значения понятий «реминисценция» и «социальная память» в современном философско-культурологическом знании. Конкретизацией онтогносеологического подхода в настоящем исследовании выступает модальный метод, который нашел свое продуктивное развитие в работах В. Зильбермана, А. Ивлева. Принцип целостного анализа культуры (С.С. Аверинцев, В.В. Библер, В.В. Бычков, П.С. Гуревич, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман и др.) позволил осуществить рассмотрение феномена «реминисценция» на предельно широком философско-культурологическом фоне. Реализация междисциплинарного подхода в исследовании ценностно-смыслового содержания социальной памяти привела к необходимости использования принципов внутринаучной рефлексии, объяснительного и интерпретационного, которые позволили более точно осуществить анализ текстов культуры, которые использовались в работе (В.П. Кохановский, Е.А. Мамчур, Н.Ф. Овчинников, А.П. Огурцов).

В качестве необходимого инструментария, позволяющего реализовать исследовательскую программу, автор использовал такие основополагающие категории диалектики, как общее, единичное и особенное, форма и содержание, сущность и явление, внутреннее и внешнее, необходимое и случайное, субъективное и объективное.

Цели и задачи исследования. Основная цель данной работы состоит в том, чтобы выявить роль и значение философских реминисценций в трансляции ценностно-смыслового мира культуры, зафиксированного в социальной памяти.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи;

- Выявить теоретико-познавательные возможности философской концепции культуры как диалога, отражающегося в тексте, который способен наиболее полно раскрыть содержание социальной памяти.
- Исследовать специфику социальной памяти как способа существования культуры.

- Проанализировать роль и значение символов, метафор и реминисценций в механизмах трансляции ценностно-смысловых характеристик социальной памяти.
- Обосновать эвристические потенции реминисценций в анализе социальной памяти.
- Выяснить, в силу каких особенностей понятие реминисценции приобретает все большее распространение в современном философско-социологическом знании.

Объектом данного диссертационного исследования выступает ценностно-смысловое содержание социальной памяти.

Предметную область исследования составляет выявление возможностей реминисценций как способа передачи аксиологического содержания социальной памяти.

Научная новизна и результаты исследования

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые поставлена проблема целостного философского анализа ценностно-смыслового бытия социальной памяти, выявлены основные способы трансляции ее содержания, проанализированы роль и значение реминисценций в ценностно-смысловом поле социальной памяти. В процессе проведенного исследования было произведено следующее:

- Установлено, что функционируя в рамках социокода, социальная память посредством коммуникации, трансляции и трансмутации способна расширить границы ментальной вместимости социума как на уровне общества, так и личности.
- Дано определение социальной памяти как всеобщего свойства социума, которое способно постоянно трансмутировать от степени абсолютной реальности (прошлого) к степени абсолютной нереальности (будущему), сохраняя в снятом виде содержание предшествующего этапа социального бытия и транслируя его в будущее.
- Предложена типология социальной памяти в зависимости от трех основных степеней реальности, в которых она существует: абсолютной реальности, феноменации и абсолютной нереальности.
- Дано определение реминисценции как специфического знака, способного на основе субъективно-субсидарного отражения одного социокультурного феномена в другом, создать новый, наполненный неповторимыми как по форме так и по содержанию смыслами и ценностями феномен культуры.
- Исследовано функциональное значение реминисценций в трансмутации символично-аксиологического мира социальной памяти.
- Выявлены и обоснованы такие сущностные характеристики реминисценции, как: а) субъективность, б) субсидарность, в) мемористичность, в) спонтанность.
- Высказано предположение о продуктивности применения категории реминисценции в современном философском знании.
- Выдвинута гипотеза о перспективности использования реминисценций в педагогическом процессе в качестве одного из эффективных методов формирования социальной памяти.

Теоретическая и практическая значимость результатов, полученных в ходе диссертационного исследования

На основе положений, сформулированных в работе, социальная память предстает как целостная система, детерминированная социокультурными реалиями, что позволяет поставить вопрос о ее дальнейшем исследовании в плане раскрытия основных форм бытия

социальной памяти. Выявление роли и значения реминисценций в социальной памяти, осуществленное в работе, позволило более продуктивно использовать эвристический потенциал реминисценций в процессе преподавания таких учебных курсов, как «Философия культуры», «Социальная философия», «Культурология», «Социология культуры». Философское осмысление реминисценций позволило использовать их специфические характеристики в процессе вовлечения в современное поле культуры новые поколения молодежи.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на заседании кафедры педагога-исследователя Томского государственного педагогического университета, в Школе молодого ученого Томского педагогического университета, на Всероссийском семинаре молодых ученых (Томск, 1996), Международной научно-методической конференции, посвященной 100-летию Томского политехнического университета (Томск, 1997), заседании кафедры культурологии и социальной коммуникации Томского политехнического университета.

Основные идеи диссертационного исследования положены в основу программы базового курса для средней школы - лицея: «Художественная культура ХУЛ - XX веков в странах Европы» (Томск 1997).

Структура диссертации отражает цели и задачи исследования, последовательное решение которых отражено во введении, двух главах (четыре параграфа), заключения и списка использованной литературы. Объем работы 101 страница, в списке литературы 148 работ.

II. Основное содержание работы

Во введении осуществляется постановка проблемы, обосновывается актуальность темы исследования и степень ее разработанности в современной философской литературе; выявляется философская традиция, в рамках которой осуществляется исследование, определяется методологический базис, цели, объект и предмет исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, определяется структура работы.

В первой главе: «Философский анализ трансляции культурно-исторических смыслов и ценностей» рассматриваются основные философские подходы к анализу культуры как специфической деятельности социума, направленной на создание, воссоздание и трансляцию символов, смыслов и ценностей.

В первом параграфе «Особенности культуры как ценностно-смыслового диалога» автор, исходя из понимания культуры в качестве постоянно длящегося диалога, наиболее полно раскрывающегося в процессе общения, предпринимает дискурсивный анализ способов реализации диалога. Основной формой бытия диалога в культуре традиционно является текст. Причем текст понимается в первую очередь как способ бытия сознания «другого». Для того чтобы этот текст смог стать явлением культуры, он должен быть зафиксированным в слове, которое, в свою очередь, могло бы быть воспринятым адресатом.

Чтобы восприятие содержания текста культуры было достаточно адекватным, он должен иметь смысл, содержание которого одинаково понятно как автору, так и адресату. В процессе встречи с текстом культуры совершенно не обязательна встреча с автором. Авторский голос остается звучать в тексте, и тем самым текст становится активным самостоятельным субъектом культуры, приобретая свою собственную жизнь, обретая свое бытие.

Текст культуры по своей глубинной, внутренней сущности выступает как творчество, которое в процессе общения читателя с текстом культуры преобразуется в сотворчество.

Ценностно-смысловой мир культуры, зафиксированный в текстах, включается в духовный мир социума, преображая его бытие и тем самым формируя доминантные структуры социальной памяти. В свою очередь, социальная память создает то, что в диссертационном исследовании определяется как единое ценностно-смысловое поле культуры, исследование которой осуществляется во втором параграфе диссертации: «Социальная память и проблема передачи ценностно-смыслового мира культуры».

Автор приходит к выводу о том, что к середине XX века произошел онтологический разрыв, приведший к отчетливому противопоставлению традиционной культуры и культуры модерна. Наиболее остро этот феномен сказался на бытии социальной памяти, в рамках которой существенным образом изменились как способы существования социальной памяти, так и формы ее трансляции. В традиционной культуре процесс передачи ценностно-смысловых характеристик осуществлялся непосредственно от поколения к поколению в рамках семьи, системы образования, профессиональной подготовки, включая выбор профессии, и, в конечном итоге, определял жизненный путь индивида.²

Соответственно социальная память формировалась как память коллективная, представляющая собой совокупность действий, предпринимаемых социумом по ценностно-символической реконструкции прошлого в настоящем. Сохранение прошлого как коллективной памяти в традиционном обществе задавалось самим его укладом. В обществе модерна и постмодерна коллективная память именно в силу своей аксиологической нагруженности зачастую становится источником легитимизации тех социальных групп, которые посредством манипуляции ценностно-смысловым содержанием исторического прошлого, составляющим значительный раздел социальной памяти, пытаются создать в массовом сознании тот или иной зачастую фальсифицированный образ прошлого.³

Расширение ментальной вместимости социальной памяти позволяет глубже понять ценность прошлого, смысл настоящего и гипотетическую значимость будущего, что в определенной мере способно предотвратить манипуляционные процессы. Чем богаче социальная память, тем богаче историческое и актуальное бытие человека и общества. Именно сущностная, бытийственная значимость социальной памяти в современном обществе, особенно в период переоценки ценностно-смыслового бытия социума, особо значима, так как именно она может, с одной стороны, наиболее адекватно выявить процесс самоидентификации общества, а с другой - раскрыть возможные вариативно-модальные характеристики его будущего.

Бытие социальной памяти в различных ее формах выступает предметом теоретического дискурса в рамках современного гуманитарного знания. Для выявления специфики теоретико-познавательного анализа социальной памяти автор выделяет основные концепции памяти. Наиболее продуктивными из них, в контексте настоящего диссертационного исследования, являются: ассоционистская, когнитивная, культурно-историческая и семиотическая.

Не отрицая несомненных достоинств ассоционистской концепции памяти, автор тем не менее вынужден был констатировать в рамках данной концепции игнорирование зависимости памяти от направления и деятельности человека. Последнее приводило к элиминации связи памяти с мышлением, речью и личностью, к игнорированию детерминации процессов, протекающих в памяти общества.

Основным принципом когнитивной концепции в изучении памяти является неразрывная связь всех психических процессов, составляющих целостную когнитивную сферу деятельности человека. Соответственно память в этой парадигме рассматривается как один из аспектов общего процесса переработки информации. В итоге появилась так

² См.: Oexle O.G. Die Gegenwart der Lebenden und der Toten. Gedanken über Memoria // Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet. - Verlag Schnell & Steiner München Zürich, 1985. S. 74 - 108.

³ См. Halbwachs Das Kollektive Gedächtnis Stuttgart 1967. S. 34 - 48.

называемая блоковая модель памяти, в соответствии с которой когнитивная сфера представляла собой набор информационных хранилищ, в которых осуществлялась переработка поступающего материала от блока кратковременной до блока долговременной памяти. Исследование памяти в рамках когнитивной психологии породило надежду в раскрытие глубинных психических основ памяти, расшифровать «коды индивидуальной памяти человека, раскрыть механизмы его обучения и творчества». Одновременно с кризисом позитивизма, представление о памяти в рамках когнитивной психологии утратило свою привлекательность. Выход из создавшейся ситуации был предложен отечественной школой психологии в работах Л.С. Выготского, А.Я. Лурии, А.А. Леонтьева, где отчетливо проступает научная позиция, которая позволяет рассматривать память как культурно-историческое явление. Понимание памяти как культурно-исторического явления породило установление новых связей между историками и психологами.

Появление в XX веке нового научного направления - семиотики позволило применить методы семиологического анализа к исследованию памяти. Наиболее полно эта позиция нашла свое отражение в исследованиях Ю.М. Лотмана, где память рассматривается как знаковая система, способная хранить и воспроизводить знаковую информацию. Семиологический подход позволил отчетливо выделить социальную память как родовую характеристику памяти на уровне социума. Понимание социальной памяти как знаковой системы позволяет выявить основные способы ее бытия. Учитывая, что генетически социальная память возникает на экзистенциально-социальном уровне бытия, автор рассматривает такие формы ее бытия, как артефакт и текст.

Для того чтобы культурный человек был способен раскрывать свое бытие в современном ему мире, не утрачивая связь с предшествующим, необходимо, чтобы он мог понимать смысл уже существующих артефактов и умел находить в них отзвуки своей культуры. Лишь в этом случае его культурно-историческая деятельность будет носить ценностно-ориентированный, осмысленный характер. Согласно концепции М. Вартовского, артефакты выступают как объективизация человеческих потребностей и намерений, уже насыщенных когнитивным и аффективным содержанием. Первый уровень артефактов составляют так называемые первичные артефакты. Вторичные артефакты включают, кроме первичных артефактов, способы их использования. Третий уровень представляет собой класс артефактов, которые, оставаясь посредниками между человеком и окружающим его культурным миром, одновременно выходят за свои собственные пределы, составляя как бы свой, автономный мир. Не отрицая эвристическую роль артефактов в понимании механизмов развития и функционирования памяти культурного человека, особенно когда речь идет о филогенезе памяти, диссертант отмечает, что изначальная «привязанность» артефактов к материально-практической деятельности человека, несколько ограничивает их эвристическую ценность для культурно-исторического творчества. С помощью артефакта можно различить первоначальный смысл явлений культуры, составляющих содержание социальной памяти, но сложно представить его трансформацию в ином ценностно-смысловом поле.

Другим способом бытия социальной памяти является текст, который знаменует собой новый этап существования социальной памяти, связанной, в первую очередь, с письменной культурой. Общение посредством текста предполагает наличие общей социальной памяти. Последняя способна расширять, или, напротив, сужать свой объем. Этот процесс обусловлен особенностями коммуникативных связей, которые возникают между автором и реципиентом текста. Если участники этого коммуникативного процесса принадлежат к одной культуре, и, соответственно, включены в единую семиосферу, трансляция смысла текста опирается на достаточное поле общей социальной памяти всех участников диалога. Этот тип бытия социальной памяти ориентирован на предельно общее парциальное поле общения. В этом случае текст как бы реконструирует тип общей социальной памяти, как для автора, так и для аудитории, на которую он направлен. Если

текст обращен к единственному лицу, объем памяти, которого известен создателю текста, и являет собой общее с ним семантическое поле, то в этом случае достаточным будет обращение к этому общему полю социальной памяти для того, чтобы процесс коммуникации состоялся. В подобном диалоге вполне допустимы энтимемы, намеки, сознательные недоговоренности.

Текст как предельно общий способ бытия социальной памяти демонстрирует два ее вида - память общества (социума) и память отдельного человека, которые обладают общим знаковым полем и одновременно бесчисленным множеством вариантов его индивидуализации на личностно-интимном уровне.

Ситуация коренным образом меняется, когда текст обретает иную аудиторию, встреча с которой не входила (осознанно или нет) в план создателя текста. Как отмечает Ю. М. Лотман, смена аудитории влечет за собой смену объема общей социальной памяти. Текст, став достоянием иной аудитории, с необходимостью требует расширения объема памяти последней. Адресату текста необходимо вспомнить не только то, что находилось в его личном, индивидуальном опыте, но и то, что входит в состав семиотического поля социальной памяти той культуры, к которой он принадлежит. В текстах литературных, ориентированных на предельно общее семантическое поле, происходит своеобразный разрыв внутри коммуникативных связей. Социальная память как бы переходит из реального бытия в бытие реконструируемое, идеальное, где, наряду с ценностями откristаллизовываются нормы, задающие последующим поколениям новую ценностно-смысловую парадигму.

Семиотический анализ социальной памяти позволяет поставить вопрос о ее структуре как асимметрическом единстве центра (ядра) социальной памяти, определяющем ее парциальность, и периферии. Центр представляет собой наиболее артикулированные, отстоявшиеся ценностно-нормативные феномены, образующие основу общего в самой социальной памяти. Соответственно периферия может включать все бесконечные вариативно-модальные возможности бытия социальной памяти на индивидуальном и групповом уровнях. Периферийная социальная память зачастую выступает как корпоративно-маргинальная. Центр и периферия находятся в постоянном взаимодействии. В критические эпохи, как правило, происходит агрессия корпоративно-маргинальной памяти на ее центр. Но сам по себе агрессивный десант маргинально-корпоративных феноменов социальной памяти на ее центр может в конечном итоге войти в своей содержательной части в состав центра социальной памяти.

Наиболее продуктивные семиотические процессы осуществляются на границе, где происходит встреча - взаимодействие ядра социальной памяти с ее маргинальными окраинами, где осуществляется перевод ценностно-символических кодов с одного языка на другой. Цель этого перевода - создание нового парциального ядра общего поля социальной памяти, расширение границ ментальной вместимости ее субъектов.

Анализ социальной памяти в онтогносеологическом ключе является необходимым, но не достаточным для полного ее исследования. Социальная память - это не только реальность, имеющая особые способы своего бытия, это еще и определенный уровень отношений, которые постоянно образуются в рамках социальной памяти, связывая прошлое, настоящее и будущее. Соответственно сложность исследования такого объекта, каковым является социальная память, требует и некоторой коррекции методологического курса. Автор полагает, что допущение при исследовании культуры существования множественности культурных миров и соответственно множественности гносеологических траекторий, используемых в теоретико-познавательном дискурсе, предполагает и некоторую корреляцию онтогносеологического подхода. В современном культурологическом знании в настоящее время происходят процессы, аналогичные тому, которые привели в середине XX века к институализации нового научного направления - науковедения. Период, предшествующий этому явлению в теоретическом плане характеризовался значительной корреляцией гносеологических позиций. Используя метод

аналогии, попытаемся предложить для дальнейшего рефлексивного дискурса применение модального метода.

Модальный метод является гносеологической вариацией онто-гносеологического метода, который выступает в качестве основного инструмента в настоящем исследовании. Привлечение же модального метода, пока еще слабо ангажированного в философско-социологическом знании, может способствовать раскрытию новых аспектов трансмутации ценностно-смыслового содержания социальной памяти.

Пол модальным методом исследования автор понимает такой способ познания, при котором основные характеристики рассматриваемого явления зависят от характера устанавливаемой им достоверности, которая может выступать как возможная, действительная или необходимая. Модальная методология позволяет разрешить парадокс «плюрального понимания» феноменов социальной памяти. Центральным положением модальной методологии является то, что фиксируемые модальные отношения служат лишь своеобразными метами, помогающими устанавливать относительные разделы объекта (в нашем случае социальной памяти), и тем самым выявить типологию его понимания.

Для построения типологии понимания социальной памяти с перспективой ее последующей реализации при объяснении процессов трансмутации, а также способов, какими эти процессы осуществляются, диссертант вводит представление о трех степенях реальности, в которых бытийствует социальная память

- Степень абсолютной реальности, опыт пребывания в которой не фальсифицируется никаким иным опытом. Пребывание в данной культурной реальности подразумевает абсолютную невозможность отмены факта ее существования. Эта характеристика относится прежде всего к прошлому, т.е. к такому состоянию бытия, которое уже нельзя изменить и которое отражается в социальной памяти вне зависимости от того, происходит ли реальное востребование этого содержания в актуальном бытии.
- Степень феноменации, опыт пребывания в которой может фальсифицироваться иным опытом. Это означает, что та деятельность, которую мы осуществляем, отнеся ее субъективно к неизменному бытию, является модификацией социальной памяти как актуальной. Сами факты социальной памяти, обретающиеся в феноменализации культурной реальности, имеют своей неизменной «как бы» причиной пребывание в степени абсолютной реальности, но так как степень феноменализации отражает вариативность настоящего, она отражает тот момент фактов социальной памяти, которые могут быть реализованы или не реализованы. Реализация переведет их в степень абсолютной реальности. Если этого не произойдет, то сами феномены социальной памяти перейдут в степень абсолютной нереальности.
- Степень абсолютной нереальности включает в себя опыт бытия, который не фальсифицируется и не фальсифицируется, т.е., относится к гипотетическому будущему. Можно с известной долей метафоричности сказать, что в этом варианте социальная память выступает как «вспоминание о будущем». Несмотря на абсолютную нереальность опредмеченные феномены культуры, если они уже зафиксированы в явлениях культуры (текстах), описывая будущее, могут влиять на актуальное настоящее и либо формировать, либо деформировать отдельные составляющие социальной памяти. Последнее обстоятельство возникает тогда, когда в памяти культуры оседают такие мифологемы, как «золотой век», «раньше все было лучше» и т.д.

Существование социальной памяти в трех выше названных типах реальности может приобретать различные варианты модальности - гипотетическую, аподиктическую и деонтическую.

В диссертационном исследовании автор соотносит выделенные типы модальности с основными типами реальности.

Модальный метод исследования социальной памяти позволил автору выявить еще одну необходимую грань ее исследования - социокод, способный отразить актуальное состояние социальной памяти.

Для функционирования социокода необходимы постоянные усилия по обеспечению целостности, координации и социализации результатов познавательной деятельности. Автор, опираясь на труды М.К. Петрова, определяет эту деятельность как коммуникацию, трансляцию и трансмутацию.

Коммуникация - это предельно широкое понятие, связанное в первую очередь с координацией уже имеющейся знаковой информации. Коммуникация связывает людей, живущих в одном историческом времени, в одном культурном пространстве и достаточно хорошо ориентирующихся в его социокодах. Коммуникация аксиологически нейтральна и одновременно ориентирует индивида на определенные, установленные в данном обществе нормы жизни и поведения. Коммуникация способна передать парциальное содержание социальной памяти.

Трансляция - понятие, которое объясняет динамику процесса общения. По своему онтологическому статусу трансляция ориентирована на поколения, которые еще только готовятся вступить в общение и деятельность. Основное отличие трансляции от коммуникации состоит в характере режима общения.

Трансмутация - это категория, отражающая такой тип общения, при котором в социокode либо появляются новые элементы постижения мира, либо видоизменяются (вплоть до полного неузнавания) уже имеющиеся составляющие предшествующего социокода. В самом процессе трансмутации возможны варианты соединения как первого, так и второго случая. Отличие трансмутации от трансляции можно проследить в процессе их функционирования. Трансляция предполагает передачу элементов уже имеющегося, отрефлексированного, исторически и культурно апробированного способа передачи знания в форме общения. В трансляции основными формами знаковых связей могут быть символы и метафоры. Значительно расширяя возможности понимания мира культуры, в рамках трансмутации осуществляется узнавание того, что еще до недавнего времени было неузнаваемо.

Постоянно функционируя в рамках социального кода, социальная память способна посредством коммуникации, трансляции и трансмутации не только восстановить постоянно разрывающуюся связь времен, но и значительно расширить границы ментальной вместимости субъекта.

Проведенный анализ ценностно-смыслового содержания социальной памяти позволил диссертанту определить ее как всеобщее свойство социума (общества, группы, человека), - способное в своем бытии постоянно трансмутировать от степени абсолютной реальности (прошлого) к степени абсолютной нереальности (будущему) через обращение к основным формам своего бытия (артефакт, текст и др.) с целью постоянного расширения ментальной вместимости социума.

Результаты, полученные в процессе философской рефлексии социальной памяти, позволили автору работы приступить к анализу основных способов трансляции, в которых осуществляются процессы передачи содержания социальной памяти от одного поколения к другому.

Вышеозначенные проблемы стали предметом исследования **во второй главе** диссертации: «Функционально-ролевое значение реминисценций в социальной памяти общества». Исходя из сложности и полисемантической философского подхода к анализу культуры как целостности, автор избирает следующую гносеологическую парадигму: от выявления эвристической роли символов и метафор в социальном познании к анализу креативных потенциалов реминисценций. Полученные в процессе этого исследования результаты автор использует в анализе роли и значения реминисценций в трансляции ценностно-смыслового мира социальной памяти.

В первом параграфе второй главы. «Символ, метафора и реминисценция в культуре» автор отмечает, что расширение поля философско-культурологических исследований, с одной стороны, и настоятельная потребность в освоении новыми поколениями все большего массива культуры - с другой, позволяют выявить методологические и эвристические возможности символов, метафор и реминисценций в современной философии культуры. Определяя символ как знак, выходящий по своему значению за рамки своего реально-вещного бытия, автор отмечает многозначность, полисемантичесность символа, что позволяет рассматривать его не только как заместитель определенного знака, образа, предмета, но и поведения. В функциональном плане символ, именно в силу своей многозначности, помогает охватить сущность явлений культуры в их предельной простоте и ясности. Символ помогает «увидеть» то, что можно лишь постичь. Исходя из концепции символа, разработанной А.Ф. Лосевым, автор полагает, что символ, как закономерная упорядоченность вещи, позволяющей раскрыть ее сущность, способен передать глубинные характеристики культуры и тем самым выступить связующим звеном между различными периодами социокультурного развития.

Если символ позволяет передать взаимопронизанность означаемой им вещи и означающей ее идейной образности, то метафора способна отразить гораздо большее количество реально-чувственных проявлений вещи, чем символ. Это обстоятельство позволяет в процессе метафорического освоения мира культуры создателю текста в индивидуально-неповторимой форме раскрыть сущность объекта, который отражается в метафоре. Читателю же текста предлагается значительно более широкий спектр возможностей, посредством которых он способен, исходя из своего субъективного опыта, раскрыть сущность явления, отраженного в метафоре.

В процессе метафоризации осуществляется не простое уподобление (тип сравнения), а своеобразная «перетасовка» признаков в процессе интеракции основной сущности и двух вспомогательных - признаков, актуализирующихся в «буквальном значении», и признаков, ассоциируемых с представлениями о референте этого значения, рассматриваемом с позиций замысла метафоры и ее цели.

Подводя итоги анализа процесса метафоризации, автор приходит к выводу, что метафоризация - это процесс, приводящий к получению нового представления о мире в процессе вербализации путем использования уже имеющихся в языке наименований. В этом процессе взаимодействуют следующие сущности: субъект метафоры и его новое знание о мире, с одной стороны, и знание языковых значений и их ассоциативных комплексов (личный тезаурус) с другой. Возникновение метафоры связано с определенными отношениями, которые возникают в процессе метафоризации и объединяют субъект метафоры и ее вспомогательные средства. Автор диссертационного исследования полагает, что к их числу можно отнести:

- Модус фиктивности.
- Модус антропометричности, который соизмеряет свойства объекта характеристиками, присущими человеку.
- Оценочный модус, сопоставляющий ценность объекта и его свойств на некоторой общепринятой шкале ценностей.

Таким образом, характерными для процесса метафоризации являются: фокусировка, фильтрация, выравнивание и синтез признаков

В процессе фокусировки происходит наделение предмета, подлежащего метафоризации, определенными свойствами. Они могут быть как стереотипными, понятными из самого контекста, так и принципиально новыми. Причем метафора понятная в контексте одной культуры, может быть совершенно не понята в контексте другой. В процессе фокусировки осуществляется логическая операция отделения наиболее важных, характерных признаков объекта, с учетом нового знания. Затем следует процесс выравнивания признаков, характерных для основного объекта метафоры, и ее

вспомогательных средств, и, наконец, синтез этих признаков, закрепляющихся в новом представлении о предмете в слове.

Итак, метафора - это способ создания новых смыслов с использованием уже имеющихся в данной культуре знаков. Понять метафору - это значит постичь, какие из свойств обозначаемого объекта выделяются в ней и как они поддерживаются и развиваются за счет ассоциативного комплекса. Метафора тем самым позволяет глубже понять текст.

Автор убежден, что несомненным достоинством метафоры является ее способность помочь людям находить общий язык в процессе коммуникации. Выражая свои ощущения, люди не воспринимают свой организм как некую машину, выполняющую определенную функцию. Они с трудом абстрагируются от собственного «я» и поэтому, говоря о себе, они приписывают отдельным органам отнюдь не те функции, которые они выполняют, но в определенной мере те, которыми они их сами наделяют. В связи с этим процесс взаимопонимания существенно затрудняется, и тогда начинает работать механизм системы, который и приводит к фразеологизации, т.е. к появлению идиом, мотивированных на основе жестов и реакций наших чувств на внешние раздражители. При вербализации описания жеста, а это зачастую процесс сугубо субъективный, само описание может быть весьма приблизительным. Процесс же фразеологизации отличается от вербализации тем, что между фразеологической единицей - идиомой и вербализованным жестом или реакцией на внешние раздражители прямая связь теряется, т.е. денотат утрачен, общим остается только символ. Символ между тем выражается знаками-словами или словосочетаниями, он, по сути, является знаком знака. Символ - это не образ. Это результат попытки свести сложное именование к простому, известному и тем самым упростить коммуникативный процесс, сохраняя несколько именовании одного и того же ощущения, восприятия, реакции на то, что происходит в мире реальном и субъективном мире человека.

Таким образом, между метафорой и языковым символом существуют взаимодополняющие отношения. Метафора передает сходство двух денотатов на основе общих сем (черт и функций денотатов), создает образ, чаще всего эмоциональный. Символ, напротив, не содержит оценки, точнее, обозначая определенное явление, он не вносит в анализ его аксиологических компонентов. Символ лишь указывает на замену одного именовании другим. В процессе восприятия мира, постижения всей его сущностной глубины метафорический стиль позволяет, преображая действительность, подготовить человека к возможности символического восприятия реальности.

Но возникает и иной вопрос. Только ли посредством символизации и метафоризации реальности можно постигнуть ее глубинную сущность. Отрицательный ответ на этот, в определенной мере, риторический вопрос еще раз наглядно доказывает, что в силу временного и пространственного объема культуры, в силу постоянной, все ускоряющейся темперированности культурно-исторического процесса, в культурологии идет постоянный интенсивный процесс становления ее категориального аппарата, в котором наряду с символом, метафорой, образом, аналогией достойное место может занять и реминисценция, анализ которой автор производит во втором параграфе. «Роль реминисценций в трансляции социальной памяти».

Исходя из понимания культуры как деятельности, тесно связанной с ценностно-символическими основами бытия, магистральным способом существования которой является диалог, позволяющий перейти от объект - субъектных отношений, характерным для некоторых философских направлений, к субъект - субъектным. Последнее обстоятельство ставит в равные условия как создателя шедевров культуры, так и ее «потребителя» (читателя, слушателя, зрителя).

Сам «механизм» диалога предполагает особый теоретико-познавательный инструментарий. Традиционно к нему относятся символы, метафоры, аналогии и т.д. Как

и в любой отрасли дискурсивного познания, каждое новое понятие, претендующее на категориальный статус, проходит как минимум три этапа:

- Номинализацию. На этом этапе появляется имя, слово, обозначающее определенное явление, которое фиксируется как его знак. Выбор наименования может осуществляться по самым различным критериям
- Концептуализацию. Этот этап заключается в дальнейшем формировании понятия объекта исследования под непосредственным влиянием полного значения того слова, которое как бы задает модель познания объекта. На этом этапе осуществляется теоретическая «работа» над самим понятием. Выявляются его функциональные, гносеологические и эвристические характеристики. Выясняется его специфика. Осуществляется операция отграничения нового понятия от рядоположенных ему.
- Демонстрацию. На этом этапе осуществляется процедура представления возможностей нового понятия в процессе культурно-исторического постижения мира. Понятие уже не доказывается (эта операция должна быть уже завершена), а показывается на конкретных примерах.

Автор полагает, что в рамках философии культуры такие понятия, как символ и метафора, благополучно миновали первые две стадии и достаточно успешно проходят третью, тем самым наглядно демонстрируя свои эвристические потенции.

Понятие «реминисценция» прошло пока еще свой первый этап. Задача состоит в том, чтобы, преодолев второй и третий этап онтогносеологического дискурса, приблизиться к более четкому пониманию роли и значения реминисценции в современном философско-культурологическом познании. Эти проблемы анализируются в заключительном параграфе диссертации «Роль реминисценций в трансляции ценностей и смыслов социальной памяти».

Анализ современной философской литературы, посвященной проблемам реминисценций, позволил автору диссертации выявить специфику возникновения реминисценций, раскрыть их функционально-смысловую характеристику.

Автор считает, что в процессе возникновения реминисценций могут быть задействованы как два однородных (в определенной степени), так и два разнородных феномена культуры. Один из них - та сущность, которая обозначается в этом процессе и поэтому выступает как основная (*primary subject*). Второй - сущность вспомогательная (*secondary, subsidiary subject*), которая соотносима с обозначаемым уже готового наименования. Гетерогенность этих сущностей и сопутствующие им ассоциативные комплексы позволяют выходить за пределы и старого, и нового круга представлений, синтезируя принципиально новую реальность.

Сам процесс реминисциоризации может быть рассмотрен как собственно проблемная когнитивно-номинативная ситуация со многими переменными факторами, среди которых могут быть как факты личной интеллектуальной, духовной культурной жизни человека, так и бытия общества, в котором живет человек. Реминисцентный процесс предельно богат и разнообразен. Он охватывает всю интенцию субъекта реминисценции, включая момент выбора того или иного способа выражения смысла реминисценции.

Замысел реминисценции - это острая потребность назвать осознаваемое (зачастую довольно смутно), но еще не додуманное понятие (вещь, предмет) путем использования уже существующего текста, звука, краски, жанра искусства.

В настоящее время, как считает диссертант, можно предположить, что происходит процесс выявления функционально-смысловых характеристик реминисценций. Если исходить из того, что реминисценция характеризует определенный тип взаимодействия между тем, что отражается, и тем, кто отражает, то оказывается, что такое взаимодействие характерно лишь для некоторых групп взаимодействующих элементов, обладающих общими свойствами. Это проявляется в том, что данная группа обладает способностью

«притягивать» к себе новые элементы, у которых в синтагматике возникли характеристики, общие для элементов данной группы.

Наряду с этим существует взаимодействие между элементами, при котором либо оба элемента определяют друг друга, либо один элемент определяется другим (взаимосвязь и причинная связь). Из этого следует, что в определенных случаях есть основания интерпретировать один тип взаимодействия, как реминисценцию, а иной тип, характеризующий связи, взаимосвязи и причинные связи - как систему реминисцентного поля (реминисцентную ауру).

Поливариативность и разнонаправленность в рамках (границах) одного реминисцентного поля свидетельствуют не только об осознании роли принципа инвариантности в культуре, но и о явно выступающей тенденции к гипертрофии его роли, иногда в ущерб функциональному принципу.

В диссертационном исследовании обосновывается тезис о глубинной связи реминисценции с социальной памятью человечества. Автор полагает, что эта взаимосвязь может выступать как культурно-историческая ретроспектива, позволяющая в прошлом понять настоящее. Выявляя гносеологические преимущества использования реминисценций в анализе социальной памяти, автор отмечает, что по сравнению с символом реминисценция в силу своей субсидарности и предельной субъективности позволяет глубже раскрыть ценностно-смысловую доминанту социальной памяти. Если сравнить реминисценцию в ее функциональном значении с метафорой, то можно выявить новые, ранее не замеченные, эвристические возможности последней. Метафора, как было уже продемонстрировано, оценочна. Реминисценция - безоценочна, аксиологически нейтральна. Это обстоятельство позволяет в процессе постижения сущности культуры проявить большую гносеологическую свободу в ее интерпретации.

Подводя итоги философского анализа реминисценции, автор определяет ее как специфический знак, позволяющий на основе субъективно-субсидарного отражения одного культурно-исторического сюжета в другом, воспроизвести новый, наполненный неповторимыми как по форме, так и по содержанию смыслами и ценностями феномен культуры. В своем содержании это новое явление культуры способно осуществить процесс динамической целостности социальной памяти.

В заключении автор подводит итоги проделанной работы и определяет возможные перспективы ее дальнейшего продолжения. Диссертант полагает, что философская рефлексия, реализованная в настоящем исследовании, выявила некоторые основные формы бытия социальной памяти в современной культуре. Выявленные автором основные формы трансляции ценностно-смыслового мира культуры, такие как символы, метафоры и реминисценции - способствуют более адекватному освоению мира поколениями, которые вступают в мир культуры. Исследование социальной памяти в современном мире имеет не только чисто теоретическое значение. Вопросы, касающиеся так или иначе социальной памяти, ее способности связывать постоянно рвущуюся связь времен и поколений составляют предмет особой заинтересованности педагогики. Социальные катаклизмы, ставшие уже привычными для нашей страны, не способствуют процессу нормальной передачи ценностно-смысловой картины мира от одного поколения к другому. О том, что разрыв культурно-исторических связей продолжает углубляться, первыми заметили преподаватели школы, как высшей, так и средней и представители творческой интеллигенции.

Автор считает, что процессы перестройки, стремительное вхождение нашей страны в мировую мультикультуру, основанную на принципах эгоистического индивидуализма, толерантности, демократизма, привели к тому, что современное молодое поколение зачастую смутно представляет себе ценностно-символический мир культуры предшествующих поколений. Если же процесс разрыва культурно-исторических связей станет печальной реальностью, соответственно социальная память со всеми своими материальными и духовными носителями займет место музейного экспоната. Последнее

может означать не только гибель социальной памяти, но и в первую очередь падение культуры.

Определить пути сохранения социальной памяти как связующего, смыслообразующего феномена культуры возможно лишь совместными усилиями, реализующимися в педагогических и философско-культурологических трудах.

**Содержание диссертации отражено в следующих
опубликованных работах:**

1. Эвристические возможности реминисценции в преподавании культурологии // Проблема творческого потенциала личности. Томск, 1996. С. 6 - 8.
2. Реминисценции и проблема понимания феноменов культуры // Дефиниции культуры: Труды Всероссийского семинара молодых ученых. Томск, 1996 С. 173-176.
3. Античные реминисценции в творчестве блаженного Августина // Православие и Россия. Прошлое, настоящее, будущее. Томск 1998. С. 52 - 58
4. Богатство как реминисценция бедности // Формирование трудовой и предпринимательской ориентации в условиях переходной экономики. Материалы Международной научно-методической конференции, посвященной 100-летию Томского политехнического университета. Томск, 1997. С 170-171.
5. Реминисценции и их значение в исследовании культурно-исторического процесса // Вестник Томского педагогического университета. Томск, 1988. С. 70-72.
6. Реминисценции в спектакле «Дон Хиль - зеленые штаны» // Молодежь. Культура. Духовность: Материалы городского молодежного семинара. Томск,; 1998, С. 76 -77.
7. Культурно-исторические реминисценции в предпринимательской деятельности // Сибирская школа молодого ученого. Т. 1 Томск, 1999. С. 8 - 9.
8. Роль и значение реминисценций в социальной памяти общества. // Сибирская школа молодого ученого. Т 1. Томск, 1999. С. 9-11.
9. Эвристическая роль реминисценций в постижении феноменов культуры // Вестник ТГПУ Сер. Философия, культура Вып. 7 (23) Томск 2000. С. 6! - 65
10. Роль и значение социальной памяти в современном образовании // Каптеревские чтения Материалы научно-педагогической конференции, посвященной 150-летию П.Ф.Каптерева - Томск 2000 С. 46 - 48.